

ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ?¹

Ален Бадью

1. Два пола и философия

Порой утверждают, что при создании философии как систематической формы желания было упущено различие полов. Действительно, от Платона до Ницше не в самых непротиворечивых частях этого систематического желания слову «женщина» пытаются придать статус концепта. Быть может, это слово не предназначено для этого? А разве со словом *homme*² обходятся лучше, когда лишают его отсылки к названию рода и указывают с его помощью половую принадлежность? Исходя из этого, необходимо было бы заключить, что для философии различие полов не существует. Но я так не думаю – слишком многое говорит нам об обратном. Памятуя о том, что хитрость этого различия, несомненно, более тонкая, чем хитрость мирового разума, можно удовлетвориться утверждением, что ни одно из слов (ни «женщина», ни «мужчина») не должно претендовать на более почётное место в философской системе. Но не будут ли наши размышления в большей мере соответствовать философской точке зрения, если мы экстраполируем на вопрос о полах то, что Жан Жене говорил о расах? Он спрашивал: «Что такое чёрный?» – и добавлял: «И, прежде всего, какого он цвета?» Если некто задаётся вопросом о том, что такое мужчина или что такое женщина, правомерно добавить из философской предосторожности: «и, прежде всего, какого он(а) пола?» Ведь необходимо допустить, что неясность вопроса о поле состоит именно в том, что различие можно помыслить только ценой определения тождества, в котором это различие будет участвовать.

Вдобавок, современная философия, в чём мы постоянно убеждаемся, адресована женщинам. Можно даже подозревать её в том (и я разделяю это мнение), что как дискурс она является частью стратегии соблазнения.

Философия касается полов, проходя окольным путём любви. Потому-то Лакан и должен был искать у Платона зацепку для того, чтобы осмыслить любовь при переносе. Однако появляется существенное возражение: то, что было действительно сказано о любви, исключая как раз начинание Платона, проговаривалось в порядке искусства (до того как психоанализ изменил представление о любви), и с наи-

¹ Перевод текста выполнен по изданию: Badiou A. *Conditions*. Ed. du Seuil, 1992. Публикуется с любезного разрешения автора.

² Французское *homme*, как и английское *man*, обозначает и человека, и мужчину. – *Прим. перев.*

большим своеобразием это проявилось в романной прозе. Связь любви и романного жанра весьма существенна. Помимо того что в этом искусстве всегда преуспевали именно женщины, они же и придавали ему импульс развития. Мадам де Лафайет, Джейн Остин, Вирджиния Вулф, Кэтрин Мэнсфилд и многие другие. И прежде их всех, в XI веке, когда западные варвары не могли себе даже представить нечто подобное, Мурасаки Сикибу, автор великого текста *Повесть о Гэндзи*, развернула то, что можно проговорить о любви в маскулинном измерении.

Однако возможные возражения, что таким образом я помещаю женщин на традиционно отводимое им место в измерении повествования, неправомерны. В начале данного текста я продемонстрирую, что связь между «женщиной» и «любовью» касается человеческого вообще и, более того, делает слово «женщина» легитимным концептом.

Далее я обращусь к тому, что женщина может стать непревзойдённой в любой области, при этом изменяя её. Единственная проблема для неё, как, впрочем, и для мужчины, – это знание о том, какие для этого нужны условия и какую цену за это придётся заплатить. В заключение я квалифицирую романную прозу как искусство абстрактного уровня, а шедевры этого искусства – как свидетельства высот, которых способен достичь субъект, когда его пронизывает и конституирует истина.

Где же находится то место, откуда можно обозреть слияние процедур истины (которое в данном случае, как я отметил, происходит между страстью и романом)? Оно находится там, где подтверждается, что любовь и искусство пересекаются и совозможны во времени. Это место – философия.

«Любовь» будет конструироваться в этом тексте как философская категория. То, что данная конструкция легитимна, подтверждает пример платоновского эроса.

Отношение «любви» к тому, как эта категория понимается в психоанализе (например в случае, когда идёт речь о переносе), останется проблемным вопросом. Моим негласным правилом будет правило внешнего соответствия: «Поступай так, чтобы твоя философская категория, какой бы частной она ни была, оставалась совместимой с психоаналитическим концептом». Но я не проверял детально эту совместимость.

Отношение этой категории к романному искусству останется опосредованным. Можно сказать, что общая логика любви, схваченная на разломе (универсальной) истины и знаний (принадлежащих обладателю пола), должна быть проверена в дальнейшем на единичных случаях. Правило процедуры включения в класс для меня таково: «Поступай так, чтобы твоя категория позволяла великой прозе о любви быть синтаксисом, созданным из семантических полей любви».

Наконец, отношение этой категории к общим местам (потому что любовь, по сравнению с искусством, наукой или политикой, не-

обязательно встречается чаще, но тем не менее чаще *предлагается*) будет отношением наложения. Существует здравый смысл, обойдя который, мы не избежим комического эффекта. Правило для этого отношения: «Поступай так, чтобы твоя категория, какими бы парадоксальными ни были её обстоятельства, вплотную прилегал к интуиции любви, освобождённой от социального».

2. О некоторых определениях любви, которые не будут приняты

Философия, или некоторая философия, создаёт своё место мышления на *опровержениях* и *признаниях*. В общем виде это можно назвать опровержением софистов и признанием того, что истины есть. В случае, о котором сейчас речь, мы имеем:

1) **опровержение концепции любви, не различающей субъект и объект.** Любовь – это не способ, которым структурное допущение Двоих составляет Одно экстаза. Данное опровержение, по сути, тождественно тому, которое приводится по отношению к бытию-к-смерти. Экстатическое Одно предполагает себя вне Двоих исключительно с помощью *сокрытия множественного*. Это сокрытие проявляется как метафора ночи, ужас, внушаемый миром, то есть упорствование в сакрализации встречи. Пример: «Тристан и Изольда» Вагнера. В моих категориях, это фигура катастрофы, применённая к генерической процедуре любви. Эта катастрофа не является катастрофой самой любви, она отсылает к некоторой философии, а именно философии Одного;

2) **опровержение жертвенной концепции любви.** Любовь не возлагает То Же на алтарь Другого. Я далее разовью мысль, почему любовь не является даже опытом другого. Она является опытом *мира* или ситуации при условии, включённом в уже произошедшее событие, что есть Двое. Я хочу вычесть эrogenное из диалектики гетерогенного;

3) **опровержение концепции «суперструктурности», или иллюзорности любви** (которая была так близка французским моралистам пессимистической традиции). Я понимаю под этим концепцию, заключающуюся в том, что любовь – это всего лишь декорация кажимости, на фоне которой разворачивается реальное пола. Или что в основании любви лежат желание и сексуальная ревность. Лакан иногда соглашается с этой идеей, например, когда говорит, что любовь – это то, что компенсирует нехватку половых контактов. Но он говорит и обратное, когда придаёт любви онтологическое предназначение быть «на подступах к бытию». Думаю, любовь ничего не компенсирует. Она становится *избытком* по отношению к тому, что является абсолютно различным. Она неудачна именно тогда, когда её ошибочно принимают за отношение. Но она является не отношением, а *производством истины*. Истины о чём? О том, что именно Двое, а не Одно, действуют в ситуации.

3. Дизъюнкция

Теперь я могу перейти к утверждениям.

Речь идёт об аксиоматике любви. Зачем она нужна? Ввиду одного важного обстоятельства, в пользу которого приводил аргументы ещё Платон: *любовь не дана непосредственно в сознании любящего субъекта*. Относительная скудность того, что говорили философы о любви, по моему убеждению, заключается в том, что они подходили к ней не напрямую, а опосредовано – через психологию или теорию страстей. Любовь, если она требует заблуждений и потери головы от тех, кто влюблён, никоим образом не выказывает свою собственную суть в опыте влюблённых. Наоборот, суть любви зависит от того, что субъекты любви *происходят*. Можно сказать, что любовь – это процесс диспозиции непосредственных опытов, происходящий таким образом, что изнутри этого опыта закон их диспозиции нельзя расшифровать. Можно добавить: опыт любящего субъекта, представляющий собой *материю* любви, не является *знанием* о любви. И в этом любовный процесс уникален (по сравнению с наукой, искусством или политикой): осмысление того, что он существует, не является осмыслением его самого. Как опыт осмысления любовь не мыслит себя. Конечно, познание любви требует, чтобы применялась сила, в частности сила мышления, но в то же время познание нетранзитивно этой силе.

Страсть, заблуждение, ревность, секс, смерть надо держать подальше от риторики. Ни один другой предмет не требует более чистой *логики*, чем любовь.

Мой первый тезис таков:

1. *Существует две позиции опыта.*

Слово «опыт» тут взято в своём самом общем смысле и означает явленность как таковую, ситуацию. Есть две подлежащие явленности позиции. Следует оговориться, что у этих позиций есть пол, и мы назовём их позицией «женщины» и позицией «мужчины». Это действие именования чисто номиналистское, в нём нет никаких эмпирических, биологических, социальных коннотаций.

То, что *две* позиции имели место, устанавливается только обратной силой. В целом, любовь, и только любовь, позволяет нам формально утверждать существование двух позиций. Почему? Следующий, действительно фундаментальный, тезис, гласит:

2. *Две позиции разделены строгой дизъюнкцией, тотально.*

«Тотальность» этого разделения должна быть понята в буквальном смысле: *никакой* опыт не одинаков для позиции мужчины и позиции женщины. *Ни-че-го*. То есть: позиции исходят не из опыта – нет явленности, которую можно было бы использовать для «женщины» или для «мужчины», к тому же нет зон их совпадения или пересечения. *Всё* явлено таким образом, что не предполагается никакого совпадения между тем, кто использует одну позицию, и тем, кто использует другую.

Такое положение вещей можно назвать *дизъюнкцией*. Позиции полов разомкнуты по отношению к опыту в целом.

Дизъюнкция ненаблюдаема, она не может стать объектом опыта или прямого знания. Потому что опыт или знание сами расположены в дизъюнкции, и нельзя найти ничего, что свидетельствовало бы о другой позиции.

Для того чтобы знание (структурное знание) о дизъюнкции стало возможным, необходима третья позиция. Именно это запрещается в третьем тезисе:

3. *Не существует третьей позиции.*

Идея третьей позиции требует введения воображаемой функции: «ангела». Средневековая дискуссия о том, какой пол имеют ангелы, без сомнения, важна, потому что её цель – *проговорить строгую дизъюнкцию*. У этой идеи нет никакой точки пересечения с опытом (ситуацией).

Что же в таком случае делает возможным то, что я сейчас проговариваю дизъюнкцию, не прибегая к этой воображаемой функции, не создавая ангела? Нужно, чтобы было нечто большее, чем дизъюнкция, поскольку ситуации недостаточно; но дополнить дизъюнкцию необходимо не третьей структурной позицией, а сингулярным событием. Это событие и есть то, что инициирует любовный процесс, и мы условимся называть его «*встреча*».

4. Условия существования человеческого

Прежде чем прийти к их определению, необходимо изложить другую крайность данной проблемы. В этом и состоит четвёртый тезис:

4. *Человеческое есть только одно.*

Что означает «человеческое» в негуманистическом смысле? В основе этого термина не может лежать никакая предикативная объективная черта, иначе в нём присутствовала бы идеальность или биологичность, совершенно неуместная в данном случае. Под «человеческим» я понимаю то, что необходимо для поддержания генерических процедур истины. Есть четыре типа таких процедур: наука, политика, искусство и любовь. Человеческое, и единственно оно, свидетельствует о том, имеет ли место политика (освободительная), наука (концептуальная), искусство (творческое) или любовь (не сведённая к смеси сентиментальности и сексуальности). Человеческое – это то, что поддерживает бесконечную сингулярность истин, вписывающихся в эти типы. Человеческое – это историческое тело истин.

Договоримся записывать функцию человеческого как $H(x)$. Это сокращение означает, что член x , каков бы он ни был, обеспечивает поддержку как минимум одной генерической процедуры. Аксиома человеческого означает следующее: если член x (скажем, в духе кантианства, ноуменальный человек) является действующим в генерической процедуре, или, точнее, *действующим в качестве Субъ-*

екта, то это свидетельствует о том, что функция человеческого существует, несмотря на то что она допускает член x как независимую переменную.

Повторимся, что существование человеческого, которое является осуществлением функции, возникает в точке x , которую продуцируемая истина задействует как «локальное удостоверение», что субъект есть. В этом смысле члены *некоторые* x являются областью (виртуальностью) функции человеческого, и несмотря на то что процедура истинности им транзитивна, функция человеческого их локализует. Остаётся решить вопрос: член x заставляет существовать функцию, в которой он является независимой переменной, или функция «гуманизирует» член x ? Эта неопределённость привязана к событиям, инициирующим истину, член x для них является оператором верности. Он отягощает голую длительность любви, инициированной встречей (метонимией чего становится пресловутое одиночество влюблённых): любовь высвобождает истину от бытия, привлечённого для доказательства существования человеческого.

Член H как таковой (существительное «человечность») может показаться виртуальным смешением четырёх типов – политики (x воинствующий), науки (x учёный), искусства (x поэт, художник и т. д.), любви (x в дизъюнкции, «возникающей» из Двоих, любящего и любящей). Член H представляет собой узел из всех четырёх. Явленность этого узла, как мы увидим, находится в центре дизъюнкции позиций «мужчины» и «женщины» – в их отношении к истине.

Сейчас, если мы вернёмся к рассмотрению четвёртого тезиса, в котором утверждается, что существует только одно «человеческое», то увидим, что он означает следующее: любая истина представляет собой для *всего* собственное историческое тело. Истина, какой бы она ни была, безразлична к тому, какой предикат разделяет её поддержание.

Это объясняется тем, что члены x (ноуменальные переменные для функции человеческого) составляют однородный класс, который подчинён только разделению, происходящему в результате их задействования субъектом. Событие инициирует действие субъекта, которое можно помыслить посредством процедуры верности.

Истина как таковая вычитается из любой позиции, она *транс-позиционна*. К тому же это единственная вещь, которая является транс-позиционной, и потому истина будет называться генерической. В *Бытии и событии* я тщательно исследовал онтологические корни понятия «генерическое».

5. Любовь как переработка парадокса

Если мы соотнесём следствия тезиса 4 с тремя предыдущими тезисами, то сможем сформулировать волнующую нас проблему: как возможно, что истина транспозиционна, или такова, какая есть для всех, несмотря на то что существуют как минимум две по-

зиции – мужчина и женщина, которые радикально разделены по отношению к опыту в целом?

Можно предположить, что из трёх первых тезисов следует следующее высказывание: истины имеют пол. Есть женская и мужская наука, подобно тому как некоторое время считалось, что есть наука пролетарская и буржуазная. Есть мужское и женское искусство, мужские и женские политические взгляды, женская (гомосексуальная по стратегии, как утверждается в некоторых феминистских течениях) и мужская любовь. Конечно, можно добавить, что даже если так и есть, об этом невозможно *знать*.

Но это не так в пространстве мышления, которое я хочу разработать. Предположим, что дизъюнкция радикальна (строгая дизъюнкция), и вследствие этого то, что происходит из истины, является генерическим, вычтенным из любой позиционной дизъюнкции.

Любовь является именно *местом*, где этот парадокс перерабатывается.

Теперь надо оценить масштаб этого высказывания. Оно означает, что любовь – это артикулированная операция парадокса. Любовь не возникает из этого парадокса, а перерабатывает его. Точнее, составляет истину парадокса.

Известное проклятие «оба пола умрут по-своему»³ является, на самом деле, мнимым или не-парадоксальным законом вещей. Если придерживаться того, что дают нам ситуации (пытаться следовать «экономии событийного избытка», т. е. чистой случайности), оба пола *не прекращают умирать, каждый по-своему*. К тому же капитал, которого никак не заботит различие полов, накладывает вето на дискриминацию социальных ролей; чем более, при отсутствии протокола и опосредования, обнажается дизъюнктивный закон, тем в большей степени два пола, неразличимые на практике, умирают по-своему. Потому что неочевидность «по-своему», отбрасывая тотальный характер дизъюнкции, делает её более поглощающей. Обращая внимание на половые роли, записывая члены x в два мнимых класса: mx и fx , – мы всего лишь выражаем дизъюнкцию, при этом маскируя её, запутывая с помощью дистрибутивных ритуалов и протоколов опосредования. Но ничто более не соответствует интересам капитала, как «есть только x ». Поэтому в наших обществах производят демаскировку дизъюнкции, которая становится невидимой и не демонстрирует опосредование. Это придаёт половым позициям мнимую неразличимость и позволяет обойти *дизъюнкцию как таковую*. Ситуация, которую каждый испытывает как умерщвление в нём возможного человеческого, схватывает его с помощью x таким, каков он есть в истинной верности.

Любовь обнажается в функции противодействия закону бытия. Мы начинаем понимать, что она является не «естественной» ре-

³ Цитата из стихотворения А. де Виньи *Гнев Самсона*.

акцией в отношениях полов, а тем, что *составляет истину их несвязанности*.

6. Любовь как сцена Двоих составляет истину дизъюнкции и гарантирует Одно человеческого

Чтобы понять такое определение любви и установить его в качестве новой константы в *мышлении* (как говорит поэт Альберто Кейро, «любить – это мыслить»), необходимо вернуться к дизъюнкции. Сказать, что дизъюнкция тотальна, что не существует нейтрального наблюдателя или третьей позиции, значит сказать, что две позиции *не могут считаться двумя*. Откуда же можно совершить подобный подсчёт? Два как таковое невозможно представить без трёх, в трёх оно представлено как элемент.

Нужно тщательно отделять любовь от пары. Пара и есть то, что, с точки зрения любви, имеет видимость третьего. Двое *посчитаны* исходя из ситуации, где есть три. Но третье, о котором мы говорим, каким бы оно ни было, не является воплощением дизъюнктивной ситуации, третьей позиции. Двое, которые посчитаны, – это всё же безразличные два, полностью *внешние* по отношению к Двоим дизъюнкции. Феномен пары (её видимость) подчиняется внешнему закону подсчёта и ничего не говорит о любви. Пара – это название не любви, а состояния любви (см. Состояние в *Бытии и событии*). Не явленность любви, а представление. Не *для любви* существуют двое, посчитанные с точки зрения третьего. Для любви *нет трёх*, и её Двое остаются вычтенными из счёта.

Если нет трёх, необходимо видоизменить первый тезис, для строгости нужно его сформулировать так:

1 бис. *Есть одна позиция и другая позиция.*

Есть «одно» и «одно», которые не представляют собой два, одно каждого «одного» неразличимо от другого, несмотря на то что они тотально разделены. Тем более, никакая позиция одного не включает опыт другого, что стало бы интериоризацией двоих.

Такой подход к любви присущ феноменологии и всегда заводит её [любовь] в тупик: если любовь – это «сознание другого как другого», это значит, что другой идентифицируется в сознании как такой же. В обратном случае, как понять, что сознание, которое является местом идентификации себя как такого-же-как-я, может реконструировать или получить опыт другого как такового?

У феноменологии только два выхода:

- ослабить инаковость: на моём языке это значит, что она может детотализировать дизъюнкции, что приведёт в итоге к трактовке расцеплённости мужчина/женщина как распределения человеческого, где половое как таковое исчезает;

- уничтожить тождественность. Этим путем пошёл Сартр: сознание есть небытие, у него нет позиции самого себя, оно является самосознанием, не-тетическим сознанием себя. Но мы знаем, чем у Сартра эта чистая прозрачность оборачивается для любви: бе-

зыходным колебанием между садизмом (заставлять быть другого объектом-для-себя) и мазохизмом (делать из себя объект-для-себя для другого). Что означает, что в этом случае Двое – это только махинации с Одним.

Чтобы сохранить дизъюнкцию и истину в ней, необходимо *исходить из того, что любовь является процессом*, а не влюблённым сознанием.

Мы предположим, что любовь и есть именно свершение Двоих как таковых, сцена Двоих.

Но нужно быть внимательными: сцена, где появляются Двое, не есть *бытие* Двоих, предполагающее третье. Сцена Двоих является проработкой, процессом. Она существует только как траектория ситуации, *при условии что есть Двое*. Двое – это оператор гипотетического, оператор зависящего от случая расследования хода работы (её траектории).

Допущение Двоих имеет событийное происхождение. Событие – внезапный избыток ситуации, который называется встречей. Конечно, событие-встреча является всего лишь формой своего собственного исчезновения и затмения. Оно фиксируется только именованим, происходящим в момент признания в любви. Названное в признании имя извлечено из пустоты ландшафта, из той же пустоты, откуда встреча черпает немного бытия для своей избыточности.

Что же за пустота используется для признания в любви? Это пустота дизъюнкции, которую нельзя представить в виде знания. Двое как оператор любви и есть имя схваченной разделённости дизъюнкции.

Любовь – это нескончаемая верность первоначальному именованию. Вещественная процедура переоценки тотальности опыта фрагмент за фрагментом покрывает всю ситуацию, связывая или разъединяя каждый из её элементов с допущением, созданным именованим Двоих.

Есть собственная *числовая схема* любовной процедуры: Два взламывает Одно и испытывает бесконечность ситуации. Одно, Два, бесконечность: такова счётность любовной процедуры, которая структурирует становление генерической истины. Истины чего? Истины ситуации, истинной вследствие того, что в ней существует две разделенные позиции. Любовь – это последовательность, во-первых, испытаний дизъюнкции, и, во-вторых, испытаний Двоих. Результат испытаний заключается в подтверждении того, что Двое всегда были одним из законов ситуации, что обеспечивается обратным действием закона встречи.

Когда в ситуации начинает происходить *одна из истин*, проясляется и её дизъюнктивная истина, поскольку любая истина адресована всем; это же обеспечивает уникальность воздействия функции человеческого $H(x)$, поскольку очевидно, что существует только одна ситуация, когда она схвачена через истину. Одна, а не две ситуации; и в этой ситуации присутствует дизъюнкция, являю-

щаяся не формой бытия, а *законом*. И истины являются истинами исключительно *этой* ситуации.

Любовь – это такое место, где бытие дизъюнкции не отделено от ситуации. Или: дизъюнкция является только законом, а не содержательным ограничением ситуации. Я проговариваю всё это о любовной процедуре, глядя на неё со стороны науки (матемы).

Любовь разламывает Одно на Двоих. Исходя из этого поддается осмыслению наличие в ситуации Одного, хоть и обработанного дизъюнкцией, и удостоверение любой истины именно этим Одним-многим.

На страже универсальности истинного стоит любовь. Она раскрывает в универсальности возможность, поскольку именно в ней заключается истина дизъюнкции.

Какой же ценой это даётся?

7. Любовь и желание

Двое как постсобытийное допущение должны быть *отмечены* вещественностью. Они должны иметь первоначальные референты для того, чтобы отвечать своему имени. Такими референтами являются тела, в меру их отмеченности полом. Дифференциальная черта, носителями которой являются тела, включает именование Двоих. Половое связано с процедурой любви как наступлением Двоих, будучи двойко обусловленным: с одной стороны – именем пустоты (признание в любви), с другой – диспозицией вещественности, имеющей в качестве ограничения тела как таковые. Имя, извлечённое из пустоты дизъюнкции, плюс дифференциальные отличия тел представляют собой оператор любви.

Для того чтобы разъяснить вопрос о привнесении в любовь телесности, нужно тщательно определить, где пролегают границы тел, потому что этот вопрос касается *неизбежного* не-сходства желания и любви.

Желание порабощено своей причиной, и этой причиной является не тело как таковое, и ещё в меньшей степени «другой» как субъект, а объект, носителем которого является тело, объект, перед которым субъект в фантазматическом оформлении предстаёт как собственное отсутствие. Очевидно, что любовь входит в динамику желания, но объект желания не является причиной любви. Любовь маркирует вещественность тел, а допущение Двоих, активирующее любовь, не может ни избежать *объекта*, который является причиной желания, ни, тем более, им распорядиться. Потому что любовь использует тела, обходя стороной их дизъюнктивное именование, тогда как желание соотносится с ней как с принципом бытия разделённого субъекта.

Таким образом, перед любовью всегда *стоит* помеха – если не в виде пола, то хотя бы в виде блуждающего объекта любви. Любовь проходит через желание, как верблюд – через игольное ушко. Она должна пройти через него, но лишь для того, чтобы обнажён-

ность телесности маркировала вещественность дизъюнкции, внутренняя пустота которой была осознана через признание в любви.

Любовь и желание касаются не *одного и того же тела*, даже если оно «то же».

Любовь, соответствуя закону дизъюнкции, искушает в глубине тел снятием частичного характера объекта желания. Она соблазняет преодолением ограничения, имеющим нарциссическую основу, и установлением того, что вследствие произошедшего события есть тело-субъект (но прежде любовь, безусловно, должна быть ограничена объектом); и даже прежде того, как объект желания снимет покровы с события, данное тело было эмблемой избыточности истины, которая свершится, будучи *встреченной*.

Только в любви тела имеют назначение обозначать Двоих. Тело желания – это тело преступления, раскола себя. Оно предохраняет себя [от раскола] посредством целостности своего объекта. Только любовь обозначает Двоих как разъятие объекта, действующего настолько, насколько он собран. В первую очередь любовь разрывает со стороны желания Одно, чтобы свершилась возможность Двоих.

Несмотря на то что это несколько нелепо, надо принять, что условием дизъюнкции дифференциальных черт пола является признание в любви. Вне этого условия *нет Двоих*, и половые признаки полностью содержатся *внутри* дизъюнкции, не имея возможности её удостоверить. Можно сказать более грубо: любое проявление сексуальности тела, не относящееся к любви, является мастурбацией в прямом смысле слова; оно относится только к внутренней стороне позиции. Это не суждение, а просто определение, потому что мастурбация как «половая» активность имеет одинаковое обоснование для каждой из разделённых половых позиций. Также можно быть уверенным, что у этой активности нет ничего общего с переходом (ещё вопрос – возможно ли «переходить»?) от одной позиции к другой.

Только любовь предъявляет половое как фигуру Двоих. Она также является местом, где можно выразить факт наличия двух тел, наделённых полом, а не одного. Снятие покровов влюблённости тел является доказательством того, что за уникальным именем пустоты дизъюнкции стоят признаки самой дизъюнкции. То, что скрывается за именем процедуры верности истине, говорит себе об извечности собственной радикальной разделённости.

Но свидетельство половой дизъюнкции, приобретя постсубъективное имя собственной пустоты, не упраздняет саму дизъюнкцию. Нужно ещё преобразовать её в истину. Таким образом, истинно, что сексуальных отношений не существует, поскольку любовь лежит в основании Двоих, а не в основании отношений между Одними внутри Двоих. Два тела не представляют собой Двоих (необходимо нечто третье, вне-половое), они могут их только обозначать.

8. Единство истины влюблённых, конфликт знаний полов

Это очень тонкий момент. Необходимо понять, что любовь составляет истину дизъюнкции и её эмблемой являются Двое, но совершает она это, только находясь в области дизъюнкции.

Двое, не будучи явленными, действуют в ситуации как комплекс, состоящий из имени и признака телесности. Двое служат для того, чтобы оценить ситуацию с помощью трудоёмкого расследования, включая исследование того, что стало и сообщником любви, и её недоразумением: исследование желания. Не только то, что связано с сексуальной жизнью, но и совместное проживание, социальная репрезентация, прогулки, слова, работа, путешествия, конфликты, дети – всё это составляет вещественность процедуры, траекторию истины в ситуации. Но эти операции не объединяют партнёров. Двое действуют *как разделённые*. В ситуации *могла бы быть* единственная истина любви, но процедура этого единства движется благодаря разделённости, истинность которой она составляет.

Влияние напряжения от разделённости наблюдается на двух уровнях:

1) существует процедура любви, и скопление её *функций* переопределяет позиции;

2) будущее одной-из-истин позволяет предвосхитить себя в знании относительно полового, или: позиции, переставшие быть истиной, возвращаются в знание.

Относительно первого пункта я позволю себе сослаться на свой текст *Генерическое письмо*, где речь идёт о том, что для Бекетта (я пришёл к тому, что романы имеют функцию осмысления мысли о любви) становление процедуры любви предписывает наличие в ней:

- функции *блуждания*, непредвиденности, внезапного появления в ситуации, она становится поддержкой для взаимосвязанности Двоих и бесконечности. Функция, которая подвергает допущение Двоих бесконечной явленности мира;

- функция *неподвижности*, которая сохраняет, удерживает первое именование; этой функцией удостоверяется, что именование события-встречи не склеено с самим событием;

- функция *императива*: продолжаться всегда, даже по отдельности. Придерживаться того, что даже отсутствие является способом продолжения;

- функция *рассказа*, который регистрирует, архивирует, по ходу дела блуждание становления-истиной.

Можно сказать, что дизъюнкция вписывается в общую картину функций. Потому что «мужчине» можно дать аксиоматическое определение: «позиция в любви, которая спаривает императив и неподвижность», и потому «женщина» – «спаривает блуждание и рассказ». Эти аксиомы не избежали того, чтобы подтвердить общие

места: «мужчина» – это тот (или та), кто ничего не делает, то есть ничего явного для и от имени любви, потому что он придерживается мнения, что то, что было оценено один раз, вполне может оставаться ценным без повторного удостоверения ценности. «Женщина» – та (или тот), кто заставляет любовь вводить нас в заблуждение и желает, чтобы её (его) слова повторялись и возобновлялись. Или, в терминах конфликта: «мужчина» – молчаливый и неудержимый, «женщина» – болтливая и требующая. В сложном расследовании любви нужны вещественные доказательства для истины.

Второй пункт является комплексным.

Выше я отверг тезис о том, что в любви возможно, чтобы один пол мог узнать нечто о *другом*. Я не верю в такую возможность. Любовь – это расследование мира с точки зрения Двоих, оно не является исследованием друг друга Двоими. Есть реальность дизъюнкции, которая заключается как раз в том, что никакой субъект не может занимать одновременно и в одном отношении обе позиции. Невозможность этого лежит в области самой любви – она контролирует проблему любви как места знания. Что же, с точки зрения любви, познаваемо?

Мы должны чётко разграничить знание и истину. Любовь *производит* истину ситуации, состоящую в том, что дизъюнкция в ней является законом. Эту истину она составляет до бесконечности. Таким образом, она никогда полностью не явлена. Предполагается, что любое знание, *относящееся к этой истине*, является предвосхищением: если эта истина бесконечно *будет иметь место*, какие же суждения будут не истинны, но истинностны? Такова общая форма знания, обусловленного генерической, или истинностной, процедурой. Я называю её техническим термином – вынуждение (форсинг). Можно форсировать знание с помощью гипотезы о том, что могло бы быть, если бы имела место истина, о которой идёт речь. В случае любви, истина, о которой идёт речь, держится на дизъюнкции. Каждый может форсировать знание о половой дизъюнкции исходя из любви, предположив, что она *имеет место*.

Но вынуждение находится *внутри* ситуации, где происходит любовь. Если истина одна, вынуждение, которое даёт нам знание, подчинено дизъюнкции позиций. То, что о любви знает «мужчина» и что о ней знает «женщина» исходя из любви, остаётся дизъюнкцией. Истинностные суждения, высказанные о Двоих исходя из событийного открытия, не могут совпадать. В частности, знания о поле сами неизбежно облечены полом. Оба пола знают друг о друге, они истинностно знают о способе дизъюнкции с другим.

Любовь является сценой, где истина половых позиций проходит сквозь непримиримый конфликт знаний.

Истина находится в той точке, в которой знание невозможно. Знания могут быть истинностными и предвосхищающими, но даже в этом случае они будут подчинены дизъюнкции. Формально дизъюнкция репрезентируется в инстанции Двоих. Позиция «муж-

чина» обеспечивает поддержку для расщепления Двоих, промежуток в двойственности фиксирует пустоту дизъюнкции. Позиция «женщина» обеспечивает поддержку продолжающегося блуждания Двоих. Я выдвигаю следующую формулу: знание мужчины предписывает свои высказывания *ничему* Двоих. Знание женщины – *ничего* Двоих. Можно также сказать, что облечение полем знаний о любви образует дизъюнкцию следующих равнозначно истинных высказываний:

1) мужского: «Было бы истинно, если нас было бы двое, а не один»;

2) женского: «Было бы истинно, если нас было бы двое, иначе нас не было бы».

Женское высказывание стремится к самотождественности. Таково его предназначение в любви, и это предназначение онтологично. Мужское высказывание стремится к изменению числа, болезненному разлому Одного возможностью Двоих. Оно логическое по своей сути.

Конфликт знаний в любви демонстрирует, что Одно истины всегда подвержено одновременно и логике, и онтологии. То, что отсылает нас к главе четвёртой (*Гамма*) аристотелевской *Метафизики* и замечательному последнему комментарию к ней, который появился у Врина под названием *Решение о смысле*. Загадочность этого текста Аристотеля состоит в том, что он переходит от изложения науки о бытии (позиции онтологии) к важности значения принципа тождества (логическому принципу). Этот переход, в целом, не в большей мере «переход», чем переход, ведущий от позиции женщины к позиции мужчины. Авторы комментария показывают, что Аристотель «форсирует» переход в том же стиле, в котором он опровергает софистов. Между онтологической и логической позициями существует только опосредование опровержения. Таким образом, для каждой позиции, вовлечённой в любовь, другая позиция позволяет постичь себя лишь как софистику, которую необходимо опровергнуть. Кто не изведал изнуряющей усталости от такого опровержения, которое всегда завершается прискорбной фразой: «Ты меня не понимаешь»? Нервическая, можно сказать, форма признания в любви. Кто хорошо любит, плохо понимает.

Данный комментарий к Аристотелю, который я привёл в качестве примера, по чистой случайности был написан женщиной, Барбарой Кассен, и мужчиной, Мишелем Нарси.

9. Позиция женщины и человеческое

Эта часть могла бы стать заключением. Но я должен добавить постскрипtum, который вернёт меня к исходным положениям.

Существование любви обратной силой заставляет позицию женщины в дизъюнкции быть единственным носителем отношения любви к человеческому. Человеческое понимается здесь, как я говорил выше, как функция $H(x)$ и составляет ядро, которое требует

выведения следствий и выполнения процедур истинности (науки, политики, искусства и любви).

Говорят: «женщина» такова, что думает только о любви, «женщина» – это «существо, созданное для любви». Пройдёмся же по месту, которое считается общим.

Будем считать аксиомой, что позиция женщины такова, что для неё *вычитание* любви лишает ситуацию человеческого. Или: функция $H(x)$ имеет значение только в том случае, если существует генерическая процедура любви.

Данная аксиома означает, что для позиции женщины предписание человеческого имеет *значимость* только такую, какую допускает существование любви.

Заметим, что это признание существования любви не обязательно принимает форму опыта. Можно «схватить» существование процедуры истины с иной стороны, не со стороны опыта. К тому же необходимо остерегаться психологизма: важно не сознание любви, а то, чтобы для члена x было произведено доказательство его существования.

Член x , ноуменальная виртуальность человеческого, каков бы ни был его эмпирический пол, активирует функцию человеческого только при условии приведения доказательства, и мы утверждаем, что такой член x – женщина. Таким образом, «женщина» – это та (или тот), для кого вычитание любви обесценивает функцию $H(x)$ в других типах истинностных процедур (науке, политике и искусстве). И, с другой стороны, существование любви виртуально разворачивает $H(x)$ во всех остальных типах, и в первую очередь в наиболее близких, или тех, с которыми она пересекается. Это объясняет превосходство женщин в области написания романов – этот вид творчества затрагивает именно «феминизированный» член x .

Позиция мужчины состоит в другом: каждый тип процедуры сам по себе придаёт ценность функции $H(x)$, безотносительно существования других.

Таким образом я *определил* слова «мужчина» и «женщина», опираясь на введение любви в узел четырёх типов процедур истины. Или: отнесённое к функции человеческого, половое различие мыслимо только при осуществлении любви как критерия для различения.

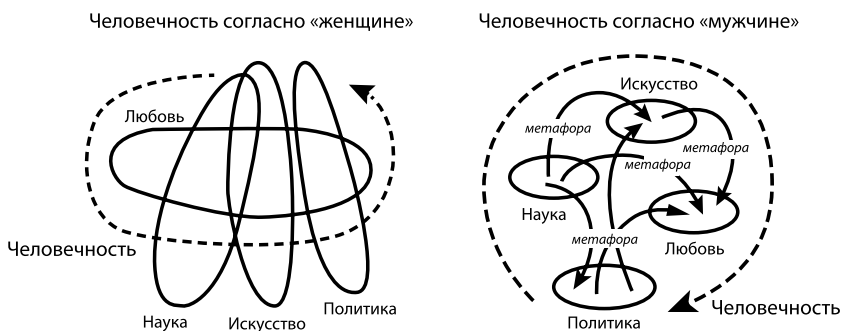
Как иначе, если любовь, и только любовь, составляет истину дизъюнкции? Осмысление Двоих не может быть основано на желании, поскольку оно находится в плену доказательства бытия. Одним, которое предполагает его объектный характер. Можно сказать, что независимо от пола желание является гомосексуальным, потому что любовь, гомосексуальная в том числе, принципиально гетеросексуальна.

Говоря о сложной диалектике перехода любви в желание, теперь можно добавить, что она заставляет происходить гетеросексуальности любви в гомосексуальности желания.

Отбросим размышления о поле тех, кого встреча любви предназначает для истины, – «мужчина» и «женщина» есть только в области любви.

Мы возвращаемся к Человеческому. Если допустить, что Н является виртуальной составляющей четырёх типов истин, надо принять, что (1) для позиции женщины вид «любовь» *связывает в узел все четыре вида*, и происходит это только при условии, что человеческое *существует* как общая конфигурация; (2) для позиции мужчины каждый тип *является метафорой остальных*, эта метафора является имманентным утверждением человеческого в каждом типе.

Вот схемы для данных тезисов:

На этих схемах видно, что женское представление о человеческом одновременно обусловлено и связано в узел; это даёт более полное восприятие и, в случае необходимости, более оправданное право на бесчеловечность. В то время как мужское представление символическое и разделяющее, что может вести к безразличию, но в то же время даёт большую способность принимать решения.

Не ограничена ли эта концепция тем, что связана исключительно с женственностью? Представляет ли она собой схему доминирования, которую можно в общем виде выразить так: доступ к символическому и универсальному для женщины является более непосредственным, чем для мужчины (меньше зависит от события встречи)?

На выражение, что встречу можно найти в чём угодно, можно ответить: *любая* генерическая процедура начинает разворачиваться только после события.

Но не это самое главное. Существенно то, что любовь, как сказано выше, становится гарантом универсального, поскольку выявляет дизъюнкцию как закон некоторой ситуации. То, что значение функции человеческого $H(x)$ для позиции женщины должно зависеть от существования любви, можно сформулировать так: позиция женщины требует для $H(x)$ гарантии универсальности. Она связывает в узел составляющие Н только при этом условии. Позиция женщины поддерживается в своём уникальном отношении к любви благодаря тому, что ей очевидно, что для любого x есть функция

$H(x)$, каким бы ни было воздействие дизъюнкции или дизъюнкций (потому что половая дизъюнкция может быть не единственной).

Я дополнительно сгущаю краски, обращаясь к лаканианским формулам функций пола. Если обрисовать это схематично: Лакан исходит из фаллической функции $\Phi(x)$. Он приписывает квантор всеобщности мужской позиции (для-любого-мужчины) и определяет позицию женщины через сочетание кванторов существования и отрицания, что приводит к тому, что он говорит о женщине, как о той, которая *не-всё*.

В основе этого взгляда лежит классическое представление о женщине. Гегель, говоря, что женщина – это ирония над здравым смыслом, указывал на влияние из области экзистенциального, посредством которого женщина наносит ущерб целому, в консолидации которого усердствуют мужчины.

Но так происходит при строгом исполнении функции $\Phi(x)$. Очевидно, из вышесказанного следует, что функция человеческого $H(x)$ *не пересекается* с функцией $\Phi(x)$.

С точки зрения функции $H(x)$, позиция женщины поддерживает тотальную всеобщность, а позиция мужчины с помощью метафоричности рассеивает виртуальность «единственно возможного» Человечества.

Любовь – это то, что возвращает квантор всеобщности «женщинам», выхватывая $H(x)$ из $\Phi(x)$ на всей протяжённости процедур истины.

Перевод с французского
Лины Медведевой